

В наушниках Лукаса пульсировала песня Фиша "Fluffhead", ритмичный противовес бурной деятельности вокруг него.

Замаячила подводная сцена – своего рода крещение в лазурном сердце кратера Хоумстед. Это вулканическое чрево, расположенное в каньоне Уосатч, для сегодняшних съемок таило в себе магию иного рода.

Среди контролируемого хаоса Лукас был образцом неподвижности. Его Арон излучал спокойное напряжение, отточенное годами на подобных скалах. В Кристи и Меган, которых с неземным изяществом сыграли Кейт Мара и Эмбер Тэмблин, можно было увидеть капитуляцию. Они знали, что сегодня центр внимания принадлежит Лукасу, его артистизм - гейзер, ожидающий извержения.

Камеры включились. Лукас и Кейт взобрались на отвесную стену кратера, их пальцы вцепились в нагретый солнцем камень с интимностью давно потерянных любовников. Эмбер, привязанная к базе, с удивлением наблюдала, как Лукас, казалось бы, одержимый безрассудным духом Арона, игриво притворился, что споткнулся. Его спуск напоминал нырок лебедя, одновременно грациозный и неторопливый, вода приветствовала его жидкими объятиями.

"Арон!" Кристи и Меган вскрикнули, их сердца бешено колотились, они отчаянно искали любой признак движения в бирюзовой воде. Только когда его голос, приглушенный, но жизнерадостный, донёсся из глубины, они вздохнули со свистом на волне облегчения.

Арон вынырнул, его волосы прилипли ко лбу, он улыбался, как ребенок. "Просто проверяю свои крылья!" он сказал вверх, его голос был приглушен водой.

Кристи и Меган, ненадежно примостившиеся на своем выступе, дружно вздохнули, их первоначальная паника сменилась облегченным смехом. "Не пугай нас так, Арон!" Упрекнула Меган, ее голос эхом отразился от стен кратера.

Затем начался подводный балет. Смех поднимался, как пузырьки, солнечный свет танцевал на ряби, а слова кружились, как водяные лилии на поверхности.

Услышав крик режиссера "Снято!", Лукас, Кейт и Эмбер поднялись из прохладного бассейна, завернувшись в полотенца, любезно предоставленные внимательным персоналом.

Кейт, дрожа, пробормотала себе под нос: "Бррр, вода холодная".

Эмбер кивает в знак согласия, "Ледяная".

Кейт и Эмбер украдкой бросают взгляды на Лукаса, уже поглощенного дискуссией с режиссером и съемочной группой.

Они улавливают фрагменты только что отснятой сцены и обмениваются понимающими взглядами.

Преданность Лукаса чувствуется. В конце концов, этот фильм вращается вокруг него. Испытания Ралстона в каньоне требуют почти исключительного внимания к главному герою. Кейт и Эмбер понимают это.

Дэнни, помощник режиссера, подходит к Лукасу. "После того, как будет отснята следующая сцена, последует сцена с каньоном. Я знаю, ты справишься, но будь готов, хорошо?"

Лукас кивает, его взгляд становится стальным. "Конечно".

Рассвет перетекает в утро, когда Лукас заканчивает сцены с Кейт и Эмбер. Приближается полдень, час, выбранный судьбой для спуска Арона в каньон Блюджон. Вокруг него кипит подготовка.

Лукас, погрузившись в глубины реального жизненного опыта Арона, стоял наготове, как проводник, готовый направить дух авантюриста.

"Мотор!" - рявкнул режиссер. Лукас, превзойдя свою собственную личность, превратился в Арона.

Камера поглощала каждый его шаг, запечатлевая трепет исследования, запечатленный на его лице. Он углубился, одинокая фигура, поглощенная необъятностью каньона. Съёмочная группа, оркестр в совершенной гармонии, задокументировала сцену плавными сокращениями.

Затем пропасть сузилась. Арон, казавшийся карликом на фоне высоких стен, потянулся к опоре – казалось бы, безобидному камню. Он сдвинулся. Гравитация взревела. Лукас, воплощающий Арона, отреагировал молниеносно. Он попытался оттолкнуться, но камень врезался ему в левую руку, вызвав взрыв боли. Он отдернул руку, но от ricochetивший камень снова нашел свою цель, раздробив его правую руку, прежде чем безжалостно обвиться вокруг предплечья, пригвоздив его, как муху к янтарию.

Лукас, воплощающий Арона, застыл. Не статуя, не труп, а человек, мир которого только что рухнул. Жгучая боль в руке была отдаленным эхом по сравнению с землетрясением в его голове. Неверие, грубое и зияющее, поглотило его целиком.

Он уставился на искалеченное предплечье, кошмар, привитый к его плоти. Хотя искусственный камень, привитый к его правой руке, был всего лишь легким макетом, Лукас вспомнил свое время в Мастерской разума. Это было так реально, настолько неповторимо похоже на правду....

Камера запечатлела Лукаса в роли Арона; его пальцы, некогда ловкие инструменты

исследования, теперь превратились в скрюченные когти, сжатые в беззвучном крике.

Стены каньона, когда-то его игровая площадка, вырисовывались, как насмешливые великаны. Солнце, когда-то служившее маяком, казалось жестоким прожектором его агонии. Воздух, который когда-то был его спасательным кругом, на вкус был пеплом и отчаянием.

Стены каньона, когда-то его игровая площадка, теперь возвышались, как насмешливые великаны. Солнце, когда-то служившее маяком, казалось жестоким прожектором его агонии. Воздух, который когда-то был его спасательным кругом, на вкус был пеплом и отчаянием.

Лукас, Арон, искатель приключений, ушел. На его месте стояла оболочка, опустошенная оболочка человека, смотрящего в бездну. Его дыхание вырывалось прерывистыми вздохами, каждый из которых был отчаянной мольбой о реальности, которая ускользала у него сквозь пальцы, как песок.

Камера, безмолвный вуайерист, запечатлела все это – дрожание его челюсти, вспышку паники в глазах, медленное падение его духа куда-то под ложечку. Никакой театральности, никаких широких жестов, только грубая, нефiltroванная правда человека, противостоящего жестокой руке судьбы.

Съемочная группа с озабоченными лицами затаила дыхание. Это была не игра; это была обнаженная душа, зеркало, отражающее хрупкость существования. И в этот момент Лукас был не просто Ароном Ралстоном, оказавшимся в ловушке в каньоне. Он воплощал каждого человека, стоящего перед их личной пропастью, их собственным столкновением со смертностью.

Сцена растворилась, камеры выключились. Съемочная группа засуетилась, заменяя камень потрясающе реальным протезом предплечья. Лукас, некогда бывший Ароном, на мгновение вернулся в свою собственную шкуру, тяжесть сцены навалилась на него, как пыль в пустыне. Но когда режиссерское "Мотор!" прорезало тишину, Лукас снова исчез, плавно превратившись в Арона.

Арон понимал, что барахтанье не обеспечит победы в этой битве. Он был человеком действия, а не отчаяния. Глубоко вздохнув, он подавил свои эмоции, и им овладел знакомый стоицизм. Он потянулся к своей сумке, достал ручную камеру и установил ее на вершине ближайшего камня. Ее объектив, как зоркий глаз, запечатлеет его испытание. Открутив крышку бутылки с водой, он сделал небольшой глоток, который принес ему скудное утешение.

Его взгляд упал на искаленную конечность, пародию на его некогда проворную руку. Нащупывая свой многофункциональный инструмент, он почувствовал укол разочарования. Это был не его верный швейцарский армейский нож, а дешевая замена, жестокий поворот в этой и без того ужасной ситуации. Мрачный смешок сорвался с его губ, за которым последовало покачивание головой. Затем, с вновь обретенной решимостью, Арон принялся за работу, скребя поверхность скалы перед собой. Каждая передрыга была вызовом судьбе, свидетельством негиблого духа, заключенного в этой узкой тюрьме.

<http://tl.rulate.ru/book/107171/3914675>